

Секция «История новейшего времени стран Европы и Америки»

**Эвакуация французских войск из Рейнской области: примирение,
обернувшееся иллюзией.**

Научный руководитель – Романова Екатерина Владимировна

Каркашова Светлана Алексеевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра новой и новейшей истории, Москва, Россия

E-mail: svetlana99kar@gmail.com

В июне 1930 года последние французские оккупационные войска, находившиеся в Рейнской области Германии по условиям Версальского мира, её покинули. Вывод войск Франции, Великобритании и Бельгии из этого региона происходил поэтапно и должен был завершиться в 1935 году [1]. Но он состоялся на пять лет раньше – на Гаагской конференции 1929–1930 гг. Франция согласилась на досрочную эвакуацию войск с территории Германии в обмен на принятие нового, постоянного репарационного плана. Досрочный вывод войск укладывался и в рамки политики Третьей республики в отношении Германии второй половины 1920-х годов. Начиная с подписания Локарнских соглашений, наступил период «разрядки» напряженности между двумя странами, их правительства заявляли о желании вести политику добрососедства и развивать мирные отношения. Окончание оккупации Рейнской области должно было стать ещё одним шагом на пути примирения Франции с Германией. Однако расчеты на дальнейшее потепление франко-германских отношений после вывода войск не оправдались.

В Веймарской республике эвакуация вызвала всплеск националистических настроений [Knipping, 1987, 70], апогеем которых стала речь, произнесенная в августе министром оккупированных территорий Г. Тревиранусом, в которой член правительства прозрачно намекал на то, что будущее Польши «будет обеспечено» только с исчезновением напряженности в отношениях с Германией, когда проблема «несправедливо проведенной границы» [7] будет решена. Это было фактически требование о пересмотре границы, сделанное в адрес союзника Франции.

Были высказаны и требования о ремилитаризации Рейнской области. Правые германские газеты писали, что освобождение Германии не завершено, а её суверенитет не полон, пока на западной границе страны нет укреплений, и в Рейнской области запрещено держать войска [6]. Впоследствии тот же аргумент о суверенитете будет повторять и А. Гитлер, но тогда он прозвучал впервые.

Наконец, буквально через пару недель после эвакуации был снят запрет с деятельности «Стального шлема», введенный осенью 1929 года после того, как эта парамилитарная организация провела военные учения в демилитаризованном регионе [Berghahn, 1966, 137].

Всё это вызвало в Третьей республике ощутимое разочарование – ведь, согласившись на досрочную эвакуацию, Франция сделала широкий жест во имя мира в Европе и развития добрососедских отношений, и вправе была рассчитывать на благодарность со стороны Германии. По крайней мере, так считали во Франции [12].

В Веймарской республике взгляд на проблему был практически противоположным. Эвакуация рассматривалась не как добровольная уступка Франции, а как право Германии, в реализации которого немцам и так слишком долго несправедливо отказывали.

Версальским миром досрочное окончание оккупации Рейнской области предусматривалось в случае, если Германия выполнит все свои обязательства по мирному договору

[2]. Выполняя финансовые его условия, с 1924 года Веймарская республика выплачивала репарации по плану Дауэса. Разоружение Германии было признано в 1926 году межсоюзнической комиссией по контролю [9]. И так, как полагали в Германии, все условия Версальского договора были выполнены уже в 1926 году, однако эвакуации войск не последовало. Это, по словам министра иностранных дел Веймарской республики Густава Штресемана, было явным препятствием для франко-германского примирения [8]. Требования об освобождении Рейнской области звучали со стороны Германии на протяжении второй половины 1920-х годов не один раз. В 1926 году были даже проведены переговоры между Г. Штресеманом и А. Брианом, министром иностранных дел Франции, однако они успехом для германской стороны не завершились [3].

Таким образом, к 1930 году в Германии эвакуацию ждали уже несколько лет и отказывались считать её одолжением со стороны Франции, тем более, что в обмен на вывод войск Германия должна была согласиться на новый репарационный план. А во Франции многие были разочарованы тем, что, казалось, политика примирения не приносила плодов. Французские правые вообще утверждали, что Германия только изображала желание мира, и, избавившись от оккупации, показала своё истинное обличье и свое стремление к реваншу [4, 11, 13].

Эта ситуация, в сущности, демонстрирует одну из основных причин тех проблем, с которыми сталкивалась политика франко-германского примирения, – взаимное непонимание двух стран, победившей и проигравшей. Веймарская республика, кроме того, никогда не признавала справедливость условий Версальского мира. Франция и Германия находились в слишком разных условиях и трудности в примирении между ними были неизбежны. Однако увидеть, были ли они непреодолимы, помешал экономический кризис начала 1930-х годов.

Источники и литература

- 1) Версальский договор, ст. 429.
- 2) Версальский договор, ст. 431.
- 3) Евдокимова Н. П. Просветы и тупики во франко-германских отношениях // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С. 106–123.
- 4) Action Française. 12 août 1930. P. 1.
- 5) Berghahn V. R. Der Stahlhelm Bund der Frontsoldaten. 1918–1935. Dusseldorf, 1966. 204 S.
- 6) Bulletin périodique de la presse allemande. 1930. Nr. 390. P. 5.
- 7) Bulletin périodique de la presse allemande. 1930. Nr. 391. P. 3.
- 8) Bulletin quotidien de presse étrangère. Nr. 3703. 17.11.1927. P. 3.
- 9) Garraud P. Le développement de la puissance militaire allemande dans l'entre-deux-guerres : entre mythes et réalité // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2010. No. 4. P. 23–42.
- 10) Knipping F. Deutschland, Frankreich und das Ende der Locarno-Ara 1928-1931 : Studien zur internationalen Politik in der Anfangsphase der Weltwirtschaftskrise. München, 1987. 270 S.
- 11) Le Figaro. 12 août 1930. P. 1.
- 12) Le Temps. 30 juin 1930. P. 1.
- 13) L'Écho de Paris. 12 août 1930. P. 1.